

ТАТЬЯНА БУЛГАКОВА

ВОРОНЦОВ
ПОСТОЯЛЫЙ
ДВОР

Ночной Тракт

Татьяна Булгакова

Ночной тракт

«Автор»

2026

Булгакова Т.

Ночной тракт / Т. Булгакова — «Автор», 2026

После развода Ева получает неожиданное наследство — старый постоялый двор. Чтобы дом остался ей, нужно провести в нём двадцать девять ночей подряд, до 31 октября. Проблема в том, что после полуночи сюда приходят гости с Ночного тракта — дороги, которой почти сто лет нет на картах. Некоторые из них давно мертвы. И это не единственная странность. Северин Чернов, которому достанется дом, если Ева нарушит условие завещания, совершенно одинаково выглядит на фотографиях 1913 и 1998 годов. Бабушка оставила Еве несколько правил: никогда не открывать заднюю дверь; после 00:13 впускать того, кто постучит трижды; Северину не верить безоговорочно. И ещё одну строку: «Твоя мать не умерла там, где тебе сказали». Чем ближе 31 октября, тем больше вопросов оказывается связано с домом, Ночным трактом и Северином. А договор Хозяйки и Хранителя, способный удержать Порог, здесь по старинке называют браком.

© Булгакова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восемь лет	5
Глава 2. Дом, которого нет на карте	11
Глава 3. Последнее правило бабушки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Булгакова

Ночной тракт

Глава 1. Восемь лет

В день, когда я поставила последнюю подпись под соглашением о разделе имущества, Антон пришёл с цветами.

Не для меня.

Букет лежал на заднем сиденье его машины — белые пионы, перевязанные серой лентой. Я заметила их через стекло, когда выходила из нотариальной конторы, и именно тогда окончательно поняла: всё.

Не когда нашла чужую серьгу в ванной.

Не когда он сказал, что «так получилось».

Не когда восемь лет нашей жизни уместились в две картонные коробки, которые я увезла из квартиры.

А сейчас.

Белые пионы.

Восемь лет назад Антон принёс мне такие же на второе свидание.

— Ева.

Я остановилась.

Он догнал меня на ступеньках, сунув руки в карманы пальто. Всё в нём было знакомым до раздражения: складка между бровей, когда собирался говорить о неприятном, лёгкий запах древесного парфюма, часы, которые я подарила ему на тридцатилетие.

Только человеком моим он больше не был.

— Ты нормально? — спросил он.

— Уже да.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Антон выдохнул и отвёл глаза. На другой стороне улицы кто-то сигналил такси. Было первое октября, моросил мелкий холодный дождь, а я стояла под козырьком нотариальной конторы с папкой документов стоимостью в восемь лет жизни.

Получилось не очень дорого.

Мне досталась машина, которую мы купили пять лет назад, остаток денег на общем счёте и великодушное право не отвечать по кредиту компании мужа.

Квартира была его. Загородный дом — записан на его мать.

Студия, которую мы создавали вместе, юридически принадлежала ООО, где у меня никогда не было доли.

Когда-то это казалось неважным. «Мы же семья». Потрясающая юридическая конструкция.

— Я могу ещё пересмотреть сумму, — сказал Антон. — Если тебе первое время будет тяжело.

Я даже улыбнулась.

— Не надо.

— Ева, я не пытаюсь тебя унижить.

— А я не пытаюсь гордо голодать. У меня есть работа.

У меня не было работы.

То есть технически два небольших проекта оставались. Один заказчик уже третий день не отвечал, второй просил «ещё немного подумать над концепцией», что на языке заказчиков обычно означало: денег нет, но исчезнуть неловко.

Антон об этом не знал. И узнавать не собирался.

— Хорошо, — сказал он. — Просто если что...

— Не будет «если что».

Он кивнул. Мы оба помолчали. Я вдруг подумала, что именно так, наверное, и выглядят по-настоящему законченные отношения. Не разбитая посуда. Не крики. Не женщина, рыдающая на полу ванной.

Два человека стоят под дождём и больше не знают, о чём разговаривать.

Телефон Антона завибрировал. Он посмотрел на экран и слишком быстро убрал его обратно в карман. Я знала, кто звонил. Виктория.

Двадцать шесть лет. Маркетолог в его компании. Волосы до талии, привычка фотографировать кофе сверху и совершенно искренняя уверенность, что роман с женатым мужчиной — это признак большой любви, если мужчина в итоге всё-таки разводится.

Поначалу я ненавидела её. Потом поняла, что слишком дорого отдавать человеку столько своих мыслей.

— Тебя ждут, — сказала я.

— Ева...

— Правда, Антон. Езжай.

Он помедлил.

— Я не хотел, чтобы всё закончилось вот так.

Вот это всё-таки задело.

— А как ты хотел?

Он открыл рот. И не нашёл ответа.

— Вот именно.

Я спустилась со ступенек.

— Ева.

Не обернулась.

— Береги себя.

Я подняла руку вместо прощания и пошла к парковке.

Моя машина стояла через дорогу — грязная, с трещиной на заднем фонаре и горящей уже вторую неделю лампочкой, которая утверждала, что давление в правом переднем колесе смертельно опасно. Шиномонтаж утверждал обратное.

Я предпочитала верить людям.

Пока что зря, но привычки меняются не за один день.

Телефон зазвонил, когда я уже взялась за ручку двери.

Незнакомый номер. Я сбросила. Через пять секунд звонок повторился. Снова сбросила.

На третий раз решила, что это либо очень настойчивый мошенник, либо кто-то действительно хочет со мной поговорить.

— Да?

— Евгения Андреевна Воронцова?

Я поморщилась.

Евгенией меня называли только в государственных учреждениях — и мама, когда я в детстве разбивала что-нибудь особенно дорогое.

— Да.

— Меня зовут Михаил Сергеевич Руднев. Нотариус города Зареченска. Вам удобно сейчас говорить?

Я всё ещё стояла напротив нотариальной конторы, из которой только что вышла.

Сегодня определённо был день нотариусов.

— Смотря о чём.

— Речь идёт о наследственном деле.

Я замерла.

— Вы ошиблись номером.

— Нет. Я ищу Евгению Андреевну Воронцову, третьего апреля тысяча девятьсот девятно третьего года рождения. Мать — Марина Сергеевна Воронцова.

Я сильнее сжала телефон. Имя матери всегда действовало одинаково.

Как будто в комнате, где давно закрыты окна, кто-то внезапно открывал дверь.

— Что с наследством?

Мужчина помолчал.

— Двадцать второго сентября умерла ваша бабушка, Воронцова Анастасия Григорьевна.

Я ничего не почувствовала. Наверное, должна была.

В кино в такие моменты люди роняют телефон, хватаются за стену или хотя бы садятся.

Я просто продолжала стоять возле машины.

— Мне жаль, — добавил нотариус.

— Мы не общались.

Последний раз я видела бабушку в восемнадцать. Она стояла у окна своей кухни, прямая, сухая, в чёрном платье, хотя никакого траура тогда не было. Я кричала. Она молчала.

Потом сказала всего одну фразу: «Когда придёт время, ты всё равно вернёшься». Я хлопнула дверью так, что с полки упала фарфоровая чашка. Больше мы не встречались.

— Тем не менее вы указаны в завещании, — продолжал Руднев.

— Единственная?

— Я предпочёл бы обсудить содержание завещания лично.

— Почему?

— Потому что оно... несколько необычное.

Я закрыла глаза. Конечно.

Если бабушка и могла оставить после себя что-нибудь, то обязательно необычное.

Нормальные родственники завещают квартиру, сервиз и спор между наследниками.

Анастасия Воронцова наверняка предусмотрела квест.

— Я живу в Петербурге.

— Знаю.

Это прозвучало неприятно.

— Откуда?

Секунда тишины.

— Адрес указан в документах.

Взглянула на мокрые крыши машин.

— Что именно она мне оставила?

— Усадьбу.

Я оторвала взгляд от машин.

— Какую ещё усадьбу?

— Воронцов постоянный двор.

Я рассмеялась. На другом конце провода было тихо.

— Простите. Вы серьёзно?

— Абсолютно.

— У моей бабушки не было усадьбы.

— Была.

— Она жила в обычном деревянном доме.

— Речь идёт о нём.

— Это не усадьба.

— Согласно документам — усадебный комплекс общей площадью тысяча двести восемьдесят четыре квадратных метра с земельным участком.

Теперь я замолчала. Тысяча двести восемьдесят четыре. Я достаточно долго занималась интервьюерами, чтобы мгновенно представить этот объём.

Даже если здание стояло развалиной, земля могла стоить серьёзных денег.

Слишком серьёзных для женщины, которая носила одно зимнее пальто пятнадцать лет.

— И всё это принадлежало бабушке? Без совладельцев, залогов, арестов и кредитов?

— Совладельцев, залогов и арестов нет. Насколько мне известно, кредитов тоже.

Я оперлась на машину.

Я сразу вспомнила утренние расчёты: на сколько месяцев мне хватит денег, если оба заказчика окончательно исчезнут.

— Что нужно сделать?

— Приехать в Зареченск.

— Когда?

— Чем раньше, тем лучше.

— Почему?

Он снова замолчал. Я начинала ненавидеть его паузы.

— Михаил Сергеевич?

— В завещании есть условие.

Вот. Разумеется.

— Какое?

— Его необходимо огласить лично.

— Вы не можете сказать по телефону?

— Могу сообщить только общую часть.

— Сообщайте.

— До истечения сорока дней со дня смерти Анастасии Григорьевны имущество нельзя продавать, передавать в залог или отчуждать иным способом.

Я нахмурилась.

— И что будет, если я откажусь от наследства?

— Тогда условие утратит значение.

— А дом?

— Перейдёт следующему наследнику согласно завещанию.

— Кому?

Пауза. Опять.

— Это тоже лучше обсудить при встрече.

Я оттолкнулась от машины.

— Вы понимаете, что сейчас звучите как персонаж очень плохого сериала?

На этот раз Руднев тихо кашлянул. Кажется, прятал смешок.

— Понимаю.

— И вам совершенно не кажется странным, что человеку нельзя назвать имя другого наследника?

— Кажется.

— Но вы всё равно не назовёте?

— Нет.

— Прекрасно.

Я открыла дверь.

На водительском сиденье лежала папка с документами о разводе.

Новенькая. Синяя. Я купила её утром, потому что не нашла дома ничего подходящего.

Восемь лет семейной жизни прекрасно уместились в ней. Даже застёжка закрылась.

— Когда вы сможете приехать? — спросил нотариус.

У конторы Антон уже стоял возле своей машины. Рядом с ним была Виктория.

Он достал с заднего сиденья белые пионы и протянул ей. Она рассмеялась, обняла его за шею. Странно. Больно почти не было. Наверное, боль тоже когда-нибудь устаёт.

— Завтра, — сказала я.

— Это хорошо.

— Не уверена.

— Поезд прибывает в Зареченск в четырнадцать десять. Если поедете им, я смогу принять вас в шестнадцать.

— Откуда вы знаете, каким поездом я поеду?

Тишина. На этот раз слишком долгая.

— Это единственный прямой поезд из Петербурга, — наконец ответил Руднев.

Логично. Наверное.

— Хорошо. В шестнадцать.

— Запишите адрес.

Я записала.

— И ещё, Евгения Андреевна.

— Да?

Голос нотариуса изменился. Совсем немного.

Но достаточно, чтобы я перестала смотреть на Антона с его новой жизнью.

— Если решите приехать раньше, не входите в дом одна.

Я нахмурилась.

— Почему? Там аварийное состояние или охрана?

— Ни то ни другое. До нашего разговора я бы просто не рекомендовал входить.

— Тогда в чём проблема?

На другом конце провода что-то щёлкнуло. Будто закрылась дверь.

— Ваша бабушка очень просила передать именно это.

Я невольно оглянулась на улицу.

— Она знала, что вы мне позвоните?

— Разумеется. Мы обсуждали завещание.

— Нет. Я спрашиваю другое. Она знала, что я приеду?

Руднев не ответил сразу.

— Анастасия Григорьевна была в этом совершенно уверена.

Я вспомнила кухню. Чёрное платье. Разбитую чашку. И слова, которые не вспоминала много лет. Когда придёт время, ты всё равно вернёшься.

— До завтра, Евгения Андреевна.

Связь оборвалась. Я ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом открыла браузер и ввела: Воронцов постоянный двор Зареченск. Поиск задумался. Первым вышел сайт городской администрации. Вторым — статья краеведа.

Третьим — фотография. Я нажала.

На экране появился большой тёмный дом в два этажа. Высокая крыша, длинная веранда, резные наличники, окна почти чёрные от отражения леса. К широкому крыльцу вела заросшая дорога.

Снимок был старый, зернистый. Но дом я узнала. Я бывала там ребёнком. Только тогда он казался гораздо меньше. Под фотографией стояла подпись:

«Воронцов постоянный двор. Предположительно 1871 год. Последний сохранившийся постоянный двор Старого Зареченского тракта».

Ниже — короткая историческая справка. Я пролистала. И остановилась.

«После закрытия тракта в 1936 году здание использовалось как частный жилой дом. С местом связано множество городских легенд. Согласно одной из них, постоялый двор никогда не отказывал путнику в ночлеге, даже после того, как дорога перестала существовать».

Я перечитала последнее предложение. Потом ещё раз. Ерунда. Местная легенда.

У каждого старого дома должна быть легенда, иначе краеведам нечем оправдывать зарплату.

Я уже собиралась закрыть страницу, когда заметила фотографию ниже. Групповой снимок. Подпись:

«Семья Воронцовых у входа в постоялый двор. 1913 год».

Перед крыльцом стояли семь человек. Мужчины в тёмных костюмах. Две женщины. Девочка. И ещё один человек чуть в стороне. Высокий мужчина в чёрном пальто.

Изображение было плохим, лицо почти терялось в серой зернистости.

И всё же я увеличила фотографию. Раз. Другой. Ещё. Мужчина смотрел прямо в объектив. Молодой. Не старше тридцати пяти. Тёмные волосы. Резкие скулы. Непривычно спокойное лицо. Я не знала его.

Конечно, не знала. Фотографии было больше ста лет.

И всё же что-то заставило меня задержать палец над экраном.

Под снимком перечислялись имена. Я прочитала подпись. Почти все — Воронцовы. И последним: «С. Чернов, управляющий трактом». Фамилия показалась знакомой. Я попыталась вспомнить откуда. Не смогла.

На экране появилась полоска входящего сообщения. Номер нотариуса. Всего пять слов. Не приезжайте в усадьбу ночью. Я нахмурилась и набрала: Почему? Сообщение долго висело непрочитанным. Потом появились две синие галочки.

Ответа не было. Я уже собиралась убрать телефон, когда под фотографией 1913 года заметила ссылку: Другие изображения. Открыла. Следующая фотография была сделана гораздо позже. Цветная. Подпись:

«Воронцов постоялый двор. 1998 год».

На крыльце стояла моя бабушка.

А рядом с ней — высокий мужчина в чёрном пальто.

Я увеличила снимок.

Те же тёмные волосы.

Те же скулы.

То же лицо.

Взглянула на дату первой фотографии.

На дату второй.

Потом снова на мужчину.

Восемьдесят пять лет.

Он не изменился вообще.

Глава 2. Дом, которого нет на карте

В Зареченск я ехала с чемоданом, ноутбуком и твёрдым намерением избавиться от наследства при первой юридической возможности.

На вокзале Петербурга это казалось хорошим планом.

Через четыре часа — чуть менее хорошим.

А когда поезд остановился возле облупленной таблички «ЗАРЕЧЕНСК», я начала подозревать, что принимать жизненные решения сразу после развода вообще не стоит.

Дождь приехал вместе со мной.

В Петербурге он хотя бы притворялся осенним. Здесь вода падала почти вертикальной стеной, ветер выворачивал зонты, а серое здание вокзала выглядело так, будто последний ремонт пережило благодаря личной неприязни к разрушению.

На платформе вышли человек пятнадцать.

Через минуту поезд ушёл, унося остальных пассажиров дальше на север, и стало удивительно тихо.

Я поставила чемодан под козырёк и открыла приложение такси.

Машина нашлась сразу.

Лада Веста. Белая. Сергей. 4,96.

До нотариуса — одиннадцать минут.

До бабушкиного дома приложение почему-то ничего не показывало.

Я попробовала ещё раз. Адрес не найден. Вбила название: Воронцов постоянный двор. Ноль результатов. Открыла обычные карты. Там он был. Точнее, была метка.

Она стояла примерно в семи километрах от города посреди зелёного пространства, где карта не показывала ни улиц, ни домов. Я увеличила масштаб. Лес. Ещё увеличила. Лес.

И один серый пиксель, заканчивающийся практически нигде.

— Отлично, — сказала я вслух.

— Что именно?

Я вздрогнула.

Передо мной стоял мужчина лет шестидесяти в тёмной куртке и держал над головой огромный клетчатый зонт.

— Евгения?

— Да.

— Сергей. Такси.

Он забрал ручку чемодана.

— До Руднева?

— Сначала да.

— А потом?

— Посмотрим.

Сергей хмыкнул так, будто ответ ему не понравился. До центра мы доехали минут за десять.

Зареченск оказался именно таким городом, каким я его помнила и каким совершенно не ожидала увидеть спустя пятнадцать лет.

Одноэтажные деревянные дома соседствовали с пятиэтажками, возле старой водонапорной башни появился супермаркет, а на месте кинотеатра, куда мама водила меня смотреть мультики, стояла аптека.

Некоторые улицы я узнавала раньше, чем успевала вспомнить их названия.

Это было неприятно. Память вообще ведёт себя странно.

Можно двадцать лет не вспоминать угол дома, старую липу или остановку с зелёной крышей.

А потом увидеть — и на секунду снова почувствовать себя восьмилетней. Мы остановились возле двухэтажного кирпичного здания.

— Ждать? — спросил Сергей.

Взглянула на часы. До назначенного времени оставалось двадцать минут.

— Сколько до Воронцова двора?

Рука Сергея замерла на коробке передач. Всего на секунду.

— До чего?

— Воронцов постоянный двор.

Он посмотрел на меня через зеркало.

— А вам туда зачем?

— Семейные дела.

— Воронцова?

— Да.

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать:

— А что?

— Ничего.

Он отвернулся. Это «ничего» звучало слишком выразительно.

— Вы знаете этот дом?

— Все знают.

— Но на карте дороги почти нет.

— Потому что дороги почти нет.

Логично.

— До самого дома можно проехать?

— Только до поворота. Дальше придётся пешком. Дорогу размыло.

Сергей открыл багажник. Я вышла вслед за ним.

— После нотариуса сможете меня отвезти?

Он поставил чемодан на тротуар.

— Сегодня?

— Желательно сегодня.

— До поворота отвезу.

— А к дому?

— Нет.

— Почему?

Сергей не ответил сразу.

У него было обычное лицо уставшего человека, который много лет работает с людьми и давно перестал удивляться их вопросам.

Но сейчас он не торопился отвечать.

— Машину жалко.

— Вы же сказали, дорогу размыло.

— Вот поэтому и жалко.

Он улыбнулся. Разговор можно было считать законченным. Я расплатилась.

— Если понадобится, звоните, — сказал он и протянул мне визитку. — Только заранее.

— Спасибо.

— И если к дому пойдёте...

Он снова замолчал. Началось.

— Что?

Сергей потёр подбородок.

— Да ничего.

— Здесь у всех такая манера разговаривать?

— Какая?

— Начинать страшную историю и вовремя вспоминать, что обещали никому её не рассказывать.

Он рассмеялся.

— Просто вы городская.

— В Петербурге тоже умеют пугать людей.

— Не сомневаюсь.

Он сел в машину. Потом опустил стекло.

— До темноты вернитесь.

И уехал. Я посмотрела ему вслед.

— Конечно.

Михаил Сергеевич Руднев оказался не древним нотариусом из готического романа, каким я успела его представить, а аккуратным мужчиной лет сорока пяти в синей рубашке и очках.

Его кабинет тоже разочаровал. Никаких шкафов с пыльными завещаниями. Светлые стены. Кофемашина. Компьютер. Даже фикус выглядел юридически грамотно.

— Евгения Андреевна?

Он поднялся мне навстречу.

— Ева.

— Михаил Сергеевич.

Пожали руки.

— Кофе? Чай?

— Информацию.

Он улыбнулся.

— Это тоже будет.

Я села напротив. На столе уже лежала толстая папка. Толще, чем документы моего развода, и это неожиданно задело.

— Значит, усадьба существует.

— Существует.

— И принадлежала бабушке.

— Да.

— И теперь она моя?

— Если вы принимаете наследство — да.

Он открыл папку и придвинул ко мне выписку. Я машинально начала читать характеристики объекта. Земельный участок. Основное здание. Два хозяйственных строения. Баня. Колодец. Ещё какой-то объект, обозначенный как «ледник».

Общая площадь земли заставила меня перечитать цифру.

— Тут почти четыре гектара.

— Три целых восемьдесят семь сотых гектара.

— И всё это в собственности?

— Да.

— Цена?

— Рыночную оценку никто недавно не проводил.

— Примерно.

— Евгения Андреевна...

— Михаил Сергеевич, я восемь лет была замужем за человеком, который на любой вопрос о деньгах отвечал «не забивай голову». Давайте не будем продолжать эту традицию.

Он снял очки.

— Даже с учётом состояния объекта речь может идти о значительной сумме.

— Миллионов десять?

— Больше.

— Двадцать?

— Вероятно.

Я откинулась на спинку кресла. Двадцать миллионов. Или больше. Ещё вчера я считала деньги до следующего аванса.

Сегодня выяснилось, что в лесу стоит почти четыре гектара моего потенциального финансового спокойствия.

Слишком просто. Я уже знала, что дальше будет «но».

— Теперь условие.

Руднев открыл другой раздел папки. Вот оно.

— Согласно завещанию Анастасии Григорьевны, до окончания сорокового дня со дня её смерти запрещено продавать, закладывать или иным способом отчуждать основной дом и земельный участок.

— Я это слышала.

— Есть продолжение.

Конечно. Руднев перевернул страницу.

— Если вы принимаете специальное условие завещания, с первой проведённой в доме ночи и до окончания сорокового дня вы должны ночевать в основном здании каждую ночь без пропусков.

Я несколько секунд смотрела на него.

— Сколько их осталось?

Он посмотрел на календарь.

— Сегодня второе октября. Анастасия Григорьевна умерла двадцать второго сентября. Сороковой день приходится на тридцать первое октября.

— То есть двадцать девять ночей.

— Если начнёте сегодня — да.

Мне показалось, что я ослышалась.

— И это прямо написано в завещании?

— Да.

Он развернул документ. Я прочитала сама.

«Наследница, принявшая настоящее условие, обязуется проводить каждую ночь до окончания сорокового дня со дня моей смерти в основном здании усадьбы Воронцов постоянный двор...»

Дальше шёл юридический текст. Я вернулась к первой строке.

— Это вообще законно?

— Условия завещания могут быть оспорены, если противоречат законодательству.

— А это противоречит?

— Само по себе требование определённого поведения наследника — не обязательно.

— То есть бабушка может заставить меня жить в лесу?

— Заставить — нет. Вы вправе отказаться от наследства.

— А если я не буду там ночевать?

— Включается следующее распоряжение.

— Дом переходит другому наследнику?

— Да.

— Кому?

На этот раз Руднев не стал изображать таинственность. Открыл страницу.

— Северину Андреевичу Чернову.

В кабинете стало очень тихо. Я смотрела на напечатанное имя. Северин Андреевич Чернов. В голове возникла фотография. Чёрное пальто. 1913 год. 1998 год. Одно и то же лицо.

— Кто это?

Руднев поправил очки.

— Человек, которого Анастасия Григорьевна назначила наследником второй очереди по этому конкретному имуществу.

— Я спрашиваю не это.

— А что именно?

Я достала телефон. Нашла вчерашнюю фотографию. Положила перед ним.

— Вот это.

Руднев даже не наклонился к экрану. Он знал фотографию. Я поняла это сразу.

— Вы знаете, кто здесь?

— Северин Чернов.

— Тот самый? Фотография датирована тысяча девятьсот тринадцатым годом.

— Я вижу.

— И вас это не смущает? Есть ещё одна — девяносто восьмого года.

— Фотографии иногда подписывают неправильно.

Я показала следующую. Руднев посмотрел.

— Похож.

— Похож?

— Очень.

— Вы сейчас серьёзно?

Он закрыл папку.

— Евгения Андреевна, у меня нет компетенции проводить экспертизу старых фотографий.

— Зато у вас есть компетенция оформлять завещание человеку, который выглядит одинаково на фотографиях с разницей в восемьдесят пять лет?

— В завещании указан современный гражданин Российской Федерации с действующими документами.

— Сколько ему лет?

Руднев молчал.

— Михаил Сергеевич.

— Тридцать семь.

Я коротко рассмеялась — от нервов, не от веселья.

— Великолепно.

Я забрала телефон.

— Значит, если я приму условие, а потом пропущу хотя бы одну из оставшихся ночей, недвижимость стоимостью больше двадцати миллионов может достаться тридцатисемилетнему мужчине, чей двойник работал там сто лет назад.

— Если формулировать таким образом...

— А как ещё это формулировать?

Он потёр переносицу.

— Я могу дать вам совет?

— Попробуйте.

— Не принимайте никаких решений сегодня.

— Почему?

— Потому что вы только приехали.

— С этим сложно спорить.

— Посмотрите дом. Посмотрите документы. Потом решите.

Я встала.

— Хорошо.

— И ещё.

Опять это «и ещё».

— Что?

Руднев достал из ящика стола маленький конверт. Плотная жёлтая бумага. На лицевой стороне моё имя. Не «Евгения Андреевна». Просто: Еве. Почерк бабушки я узнала моментально.

— Она попросила передать после оглашения условия.

Я взяла конверт.

— Что внутри?

— Не знаю.

— Не читали?

— Нет.

— Хотя кто-то в этом городе умеет нормально удовлетворять человеческое любопытство?

— Это профессионально противопоказано нотариусам.

Я впервые за весь разговор улыбнулась. Ненадолго.

— Ключи?

Руднев достал старую металлическую связку. Пять ключей. Один большой, почти как театральная реплика. Я взяла их. Металл оказался неожиданно холодным.

— Основной вход — самый большой.

— А остальные?

— Не знаю.

— Бабушка не объяснила?

— Нет.

Я спрятала ключи в сумку.

— По документам всё?

Руднев снова посмотрел на часы.

— Практически.

— Что значит «практически»?

— Вы не обязаны принимать это условие прямо сейчас.

— То есть могу сегодня снять гостиницу?

— Можете. Но тогда сегодня вы ещё не принимаете специальное условие, а завтра придётся решить, начинать его исполнять или отказаться от этой части наследства.

— А если сегодня переночую в доме?

— Это будет считаться фактическим принятием условия.

Это было первое предложение за сутки, в котором хотя бы просматривалась логика.

— Отлично.

— Я бы именно это и рекомендовал.

— А если всё-таки поеду туда сейчас?

Руднев не ответил. Вот теперь кабинет перестал казаться современным и безопасным.

— Вы же вчера просили меня не входить в дом одной. Только из-за просьбы бабушки?

— Не только. Евгения Андреевна...

— Ева.

— Ева. Есть вещи, о которых нотариус не должен рассуждать с клиентом.

— Например, городские легенды?

— Например.

— И вы в них верите?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Хорошо.

Я направилась к двери.

— Ева.

Обернулась.

— Если всё-таки решите посмотреть дом сегодня, уезжайте до полуночи.

— Таксист сказал до темноты.

Руднев действительно побледнел.

— Какой таксист?

— Сергей. Белая «Веста».

— Фамилия?

— Откуда я знаю?

— Номер машины помните?

— Нет.

Он встал.

— Позвоните ему.

— Зачем?

— Просто позвоните.

Это начинало раздражать. Я достала визитку. Набрала номер. Телефон сообщил, что абонент недоступен.

— Нет связи.

— Покажите.

Я протянула визитку. Руднев взял её. Прочитал. И замер.

— Что?

Он перевернул карточку. Потом снова посмотрел на лицевую сторону.

— Где вы её взяли?

— Я же сказала. Водитель дал.

Руднев опустил в кресло, всё ещё глядя на визитку.

— Михаил Сергеевич?

Он поднял на меня глаза.

— Сергей Лапин?

Взглянула на карточку. Сергей Лапин. Перевозки.

— Да.

— Вы уверены, что именно он привёз вас сюда?

— Абсолютно.

— Белая «Веста»?

— Да.

— Лет шестьдесят. Седой. Шрам возле правого виска?

Теперь неприятно стало мне.

— Да.

Руднев положил визитку на стол.

— Это невозможно.

— Почему?

Он молчал.

— Почему?

— Сергей Лапин умер.

Комната словно стала меньше.

— Когда?

— Прошлой зимой.

Я засмеялась. Снова.

Только на этот раз смех получился коротким и совершенно чужим.

— Очень смешно.

— Я не шучу.

— Значит, другой человек.

— Возможно.

— Конечно возможно.

Я схватила визитку.

— Здесь обычный номер телефона. Обычная машина. Он взял заказ через приложение.

Я открыла историю поездок. Последняя поездка была на месте. Я даже испытала облегчение.

— Вот.

Показала экран. Руднев посмотрел. Имя водителя: Сергей. Фото не загрузилось. Госномер отсутствовал. А вместо стоимости поездки стояло: 0 #. Я нахмурилась.

— Я заплатила наличными.

— Вы заказывали оплату наличными?

Не помнила. Наверное. Нажала на детали заказа. Приложение зависло. Обновила. История поездок исчезла.

— Интернет, — сказала я.

Руднев ничего не ответил.

— Здесь плохо ловит?

— Нормально.

Я убрала телефон.

— Всё. Хватит.

— Ева...

— Нет. Либо здесь кто-то решил очень оригинально пошутить над внучкой Анастасии Воронцовой, либо у вас в городе слишком много времени на легенды.

— Не ездите сегодня к дому.

— Именно туда я и собираюсь.

— Это плохая идея.

— Возможно.

Я открыла дверь.

— Но после сегодняшнего утра плохие идеи — моя новая специализация.

Другую машину пришлось ждать двадцать минут.

На этот раз приехал молодой парень на старой «Шкоде».

Имя — Артём. Фото совпало. Номер совпал. Стоимость поездки тоже была вполне материальной. Я почти обрадовалась.

— Куда? — спросил он.

Я назвала адрес из документов. Артём перестал улыбаться.

— Туда не проехать.

— Доедем насколько сможете.

— До развилки.

— Отлично.

Он пожал плечами. Мы поехали. Чем дальше оставался город, тем уже становилась дорога. Пятиэтажки сменились частными домами. Дома — дачами. Потом закончились и они. Начался лес.

Осень здесь зашла заметно дальше, чем в Петербурге.

Берёзы почти облетели, мокрые стволы светились среди елей, низкие облака висели прямо над верхушками деревьев.

Телефон потерял мобильный интернет. Потом связь. GPS продолжал работать. Метка двигалась по дороге. Через несколько минут асфальт закончился. Ещё через пять Артём остановился. Перед нами стоял старый бетонный указатель.

Когда-то на нём были буквы. Теперь остались только фрагменты краски. Вправо уходила разбитая лесная дорога.

— Всё, — сказал он.

— А дальше?

— Километра два.

Я оценила чемодан и грязь.

— Серьёзно?

— Могу попробовать метров пятьсот, но если сяду, трактор будете искать вы.

— Убедили.

Он помог вытащить чемодан. Я открыла приложение.

— Здесь связи нет, — сказал Артём.

— Вижу.

— Обратно как будете?

— Дойду до сюда и поймаю.

Он посмотрел на небо.

— Скоро темнеть начнёт.

Опять.

— Почему все говорят мне про темноту?

— В лесу дороги хуже видно.

Нормальный ответ. Спасибо, Артём.

— До свидания.

Он сел в машину. Я уже взялась за ручку чемодана, когда он опустил стекло.

— Девушка.

— Что?

— Вы точно туда?

— Точно.

— Там никто не живёт.

— Теперь, видимо, живу я.

Артём странно посмотрел.

— Удачи.

Машина развернулась и исчезла за деревьями. Через минуту я осталась одна. Лес шумел. Где-то капала вода. Взглянула на карту. Серая точка моего местоположения стояла возле развилки.

До метки дома — 1,8 километра.

— Прекрасно.

Я потянула чемодан. Через первые сто метров поняла, что совершила ошибку. Через триста — что очень серьёзную. Колёса забивались грязью. Дорога шла вверх.

Один раз пришлось практически переносить чемодан через огромную лужу.

На пятой минуте я начала ненавидеть бабушку. На десятой — всё семейство Воронцовых.

На пятнадцатой решила, что продам дом за любую цену исключительно из принципа.

Потом лес неожиданно закончился. Передо мной стояли ворота. Высокие. Чугунные. Одна створка была приоткрыта. За ними начиналась аллея. И в самом конце стоял дом. Фотография не передавала масштаба.

Он был огромный.

Два этажа, высокая ломаная крыша, тёмные деревянные стены, каменный первый этаж, веранда почти по всей длине фасада.

Слева виднелся флигель. Справа — что-то похожее на старую конюшню. Дом совершенно не выглядел заброшенным. Окна были целы. Крыша — тоже. Даже дорожка к крыльцу оказалась расчищена от листьев. Я остановилась.

Кто-то здесь явно бывал. Это было хорошо. Наверное. Под старым фонарём висела вывеска:

ВОРОНЦОВ ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР

Ниже мелкими буквами:

С 1871 ГОДА

Я толкнула ворота. Они открылись без скрипа. Телефон в кармане завибрировал. Связь вернулась. Первым пришло сообщение от Руднева. Вы где? Я ответила: У дома. Три точки появились почти моментально.

Не заходите внутрь. Я сейчас приеду. Я закатила глаза.

После двух километров по грязи ждать нотариуса на улице из принципа не собиралась.

Поднялась по старым ступеням. Достала связку. Большой ключ вошёл в замок идеально. Я повернула. Внутри что-то тяжело щёлкнуло. Дверь открылась.

Из дома пахло сухим деревом, пылью и чем-то ещё.

Я остановилась. Кофе. Совершенно точно. Свежий кофе.

— Есть кто-нибудь?

Тишина. Я вошла.

Большой холл уходил далеко внутрь дома. Деревянная лестница поднималась на второй этаж. На стенах висели старые фотографии. Возле двери стояла подставка для зонтов.

А на ней — мокрый мужской зонт. С него ещё стекала вода. Я поставила чемодан.

— Эй?

Никто не ответил. Телефон снова завибрировал. Руднев. Ева, выйдите из дома. Сейчас же. Я посмотрела на мокрый зонт, потом на пол. От входной двери через холл шли следы. Мужские. Мокрые.

Они вели к лестнице. Я должна была выйти. Нормальный человек именно так бы и сделал. После вчерашних фотографий. После мёртвого таксиста. После сообщения нотариуса. Я сделала шаг к двери.

Наверху скрипнула половица. Я замерла. Затем ещё одна. Кто-то медленно шёл по коридору второго этажа, в сторону лестницы. Я попятилась. На верхней площадке появилась мужская фигура. Высокий. Чёрная рубашка.

Тёмные волосы.

Я видела его лицо всего несколько секунд.

Но этого хватило.

Телефон выскользнул из пальцев и ударился об пол.

Передо мной стоял мужчина со фотографии 1913 года.

Он положил руку на перила.

Посмотрел прямо на меня.

И вместо удивления спокойно произнёс:

— Ты опоздала, Ева.

Я не могла пошевелиться.

Он начал спускаться.

— На пятнадцать лет.

Глава 3. Последнее правило бабушки

Я всё ещё стояла возле двери.

Мужчина спускался по лестнице спокойно, будто находился у себя дома, а не в доме моей только что умершей бабушки.

Тридцать семь.

Нотариус сказал, ему тридцать семь.

Я снова посмотрела на лицо.

Можно было убедить себя, что фотографии плохого качества.

Что сто лет назад жил другой человек с похожими чертами.

Что на снимке девяносто восьмого был его отец.

Очень молодой отец.

Невероятно похожий отец.

Можно было придумать много разумных объяснений.

Жаль, что ни одно из них не объясняло, почему незнакомый мужчина встретил меня в запертом доме и сообщил, что я опоздала на пятнадцать лет.

— Кто вы?

Он остановился на середине лестницы.

— Ты уже знаешь.

Голос был низким. Спокойным.

И это раздражало сильнее, чем если бы он пытался меня напугать.

— Я знаю имя.

— Для начала достаточно.

— Для начала мне достаточно вызвать полицию.

— Вызывай.

Я подняла телефон с пола. Экран, к счастью, не разбился. Связь показывала одну полосу.

— Вы незаконно проникли в частную собственность.

Мужчина чуть приподнял бровь.

— Уже частную?

— Согласно завещанию.

— Ты его приняла?

— Это не ваше дело.

— Значит, пока нет.

Я нажала вызов. Связь пропала. Экран сообщил: Нет сети. Конечно. Я опустила телефон.

— Очень удобно.

— Что?

— Здесь внезапно нет связи.

— Она здесь часто пропадает.

— Как и возраст на старых фотографиях?

Впервые его лицо изменилось. Совсем немного. Но я увидела.

— Значит, нашла.

— Фотографии?

— Да.

— Быстро.

— Интернет сильно облегчает расследования.

Он спустился ещё на одну ступень.

— Интернет много чего облегчает.

— Например, установление личности человека, который почему-то не стареет восемьдесят пять лет?

— Фотографии лгут.

— Иногда.

— Чаще, чем люди думают.

— А люди?

— Постоянно.

Но это прозвучало не как общая философия.

Я отступила к двери.

— Вы что делаете в доме?

— Жду тебя.

— Откуда вы знали, что я приеду?

— Анастасия знала.

— Бабушка умерла десять дней назад.

— Я знаю.

Мне стало не по себе.

— Вы хорошо информированы.

— Я присутствовал на похоронах.

— Я нет.

— Я заметил.

Я сжала ручку чемодана.

— Уходите.

Он не двинулся.

— Сейчас.

— Ева...

— Вы находитесь в моём доме.

— Это сложнее.

— Нет. Это как раз очень просто.

Я указала на дверь.

— Вон.

Несколько секунд Северин смотрел на меня. Потом кивнул.

— Хорошо.

Это было так неожиданно, что я даже растерялась. Он спустился до конца. Теперь между нами оставалось метров пять. Фотография не передавала главного. Не красоту.

Хотя с ней всё было в порядке. Слишком в порядке. Фотография не передавала ощущения. Северин был из тех людей, присутствие которых замечаешь даже спиной.

Высокий. Худой, но не тонкий. Руки без украшений. Никаких часов. Никакой показной дороговизны.

Тёмная рубашка. Чёрные брюки. И абсолютно неуместное спокойствие.

Человек, которого выставляют из чужого дома, обычно хотя бы удивляется.

Этот выглядел так, будто знал, что всё равно вернётся.

Он прошёл мимо меня. Я уловила запах холода, мокрой древесины и чего-то едва заметно горького. На пороге Северин остановился.

— Сегодня после полуночи не открывай сразу.

Я потёрла переносицу.

— Началось.

Он повернулся.

— Что?

— Очередное предупреждение без объяснений.

— Тогда с объяснением. После 00:13 дожись трёх ударов в парадную дверь. Ровно трёх. Если постучат иначе — не открывай.

— Почему именно ноль тринадцать?

— В это время Тракт подходит к дому ближе всего. Поэтому особенно важно не перепутать дверь.

Я прищурилась.

— И почему я должна вам верить?

— Не должна. Сверх с тем, что оставила Анастасия.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на раздражение.

Наконец-то.

— Ты всегда была такой?

— Какой?

— Упрямой.

— Вы меня не знаете.

— Знал о тебе.

— Мне было восемнадцать, когда я последний раз сюда приезжала.

— Я помню.

Я замерла.

— Мы встречались?

Северин несколько секунд молчал.

— Нет.

— Тогда что именно вы помните?

Он открыл дверь.

— Спроси Аглаю.

— Какую ещё Аглаю?

Но он уже вышел. Я шагнула следом.

— Чернов!

Он остановился на дорожке. Дождь почти закончился.

— Почему вы были на фотографии тысяча девятьсот тринадцатого года?

Северин посмотрел на меня через плечо.

— Потому что твои предки плохо умели выбирать фотографов.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

— Тогда ответьте нормально.

— Не сегодня.

— Почему все в этом городе говорят «не сегодня»?

— Потому что сегодня ты всё равно не поверишь.

Он пошёл к воротам.

— А завтра?

— Завтра у тебя будет больше причин.

Я смотрела ему вслед. У ворот он остановился.

— И ещё.

Я чуть не застонала.

— Что?

— Не открывай заднюю дверь.

— После полуночи?

— После полуночи — никогда.

Он вышел за ворота. Через несколько секунд деревья скрыли его. Я осталась одна.

— Псих.

Дом промолчал.

Первое, что я сделала, — проверила все комнаты первого этажа.

Я проверила комнаты не из страха, а чтобы понимать план. Кухня. Столовая. Большая гостиная с камином. Небольшой кабинет. Что-то вроде старой буфетной. Туалет. Кладовая. И длинный коридор, заканчивающийся дверью. Задней. Разумеется.

Я подошла. Дверь была массивная, деревянная, с железной задвижкой. Кроме обычного замка на ней висела толстая цепь. И два засова. Я осмотрела всё это.

— Никогда?

В доме снова никто не ответил. Я потрогала цепь. Старая, но крепкая. Окна по обе стороны двери выходили во двор.

За стеклом темнели хозяйственные постройки, старый колодец и лес.

Ничего подозрительного.

Если не считать того, что кто-то явно приложил серьёзные усилия, чтобы люди не пользовались самым обычным выходом во двор.

Я оставила цепь как есть. Пока. На кухне обнаружилась кофемашина. Современная. Хорошая. И включённая. Вот откуда запах. Рядом лежала открытая пачка зёрен. В раковине стояла одна чашка. Чистая.

Чужого присутствия это не доказывало. Северин вполне мог приготовить кофе. Вопрос заключался в другом. Как он вошёл? Я проверила окна. Закрыты. Переднюю дверь открыла своим ключом.

Задняя дверь заперта так, словно за ней находится портал в преисподнюю.

Вполне возможно, он пользовался другим ключом.

Если бабушка действительно назначила его вторым наследником, могла выдать.

Рациональное объяснение. Я включила чайник. Рациональные объяснения сегодня следовало коллекционировать. Иначе к вечеру их могло не остаться. Пока закипала вода, я вспомнила о конверте. Он лежал в сумке. Еве.

Я провела пальцем по знакомым буквам. Потом вскрыла. Внутри оказался один сложенный лист. Почерк бабушки. Ровный. Чёткий.

Как будто она писала не перед смертью, а составляла очередной список дел.

Ева.

Если ты читаешь это письмо, значит, всё-таки приехала.

Я знала, что при жизни ты не вернёшься. И не виню тебя.

Я фыркнула. Это было очень по-бабушкиному.

Сначала сделать всё возможное, чтобы человек ушёл, потом великодушно его не винить.

Я продолжила.

Наверное, ты злишься. На меня. На дом. Возможно, уже на Северина.

Я остановилась. Перечитала: «Возможно, уже на Северина». Она точно знала. Не предполагала.

Знала, что я встречу его в первый же день.

Я читала дальше.

Не пытайся понять всё сразу. Ты всегда требовала объяснения прежде, чем соглашалась сделать первый шаг. Здесь придётся наоборот.

Сначала правила.

Ниже стояли три коротких пункта.

Первое. После полуночи не открывай заднюю дверь. Ни при каких обстоятельствах. Даже если услышишь знакомый голос.

Я невольно посмотрела в сторону коридора. Очень смешно.

Второе. Не спрашивай ночного гостя, откуда он пришёл. Если захочет — скажет сам.

Какого ещё гостя?

Третье. Если после 00:13 в парадную дверь постучат три раза — открой.

Я перечитала. Потом ещё раз.

— Конечно.

Логика семейства Воронцовых. Заднюю дверь после полуночи не открывать. Парадную после 00:13 при трёх ударах — наоборот. Я продолжила письмо.

Это три правила первого дня. Остальные тебе расскажет Аглая.

Опять Аглая.

Северину не верь безоговорочно. Но если он скажет бежать — беги.

Я невольно усмехнулась. Отлично.

Не пытайся открыть комнату номер семь.

Ну разумеется, где-то обязательно должна была существовать комната номер семь.

И самое главное. Следующая строчка была подчеркнута дважды.

Если окажешься на Ночном тракте и кто-то назовёт тебя полным именем — не иди за ним.

Я опустила письмо. Вот здесь становилось уже не смешно. Потому что никакого Ночного тракта на современных картах не существовало. Был Старый Зареченский тракт. Закрытый почти сто лет назад.

Что бабушка имела в виду? Ниже оставалось ещё несколько строк.

Прости меня за то, что не рассказала раньше. Я думала, если ты не будешь знать, дом тебя не найдёт. Ошиблась.

Теперь времени почти не осталось. И да, Ева. Твоя мать не умерла там, где тебе сказали.

Я перестала листать.

Я перечитала последнюю строку. Мама погибла, когда мне было тринадцать. Несчастный случай. Машина ушла с трассы в реку.

Автомобиль нашли через два дня. Тело... Я остановилась. Тело матери не нашли. Я знала это. Всегда знала. Мне говорили, что течение очень сильное. Что такое бывает. Что поиски продолжались.

Бабушка тогда сказала: «Марина умерла». И больше никогда не позволяла обсуждать. Я снова посмотрела в письмо. После этой строки был только один абзац.

Не ищи её пока.

Сначала переживи первую ночь.

Внизу стояла подпись:

Бабушка.

— Что за чёрт...

Стук в окно заставил меня вскрикнуть. Я резко обернулась. За стеклом стояла женщина. Я схватилась за край стола. Женщина постучала ещё раз. Ей было лет шестьдесят пять. Серая куртка. Платок.

В одной руке большая хозяйственная сумка. В другой — связка каких-то трав. Она махнула мне. Я открыла окно на несколько сантиметров.

— Вы кто?

— А дверь теперь не для людей?

— Простите.

Я закрыла окно и пошла в холл. Женщина уже стояла на крыльце.

— Ева?

— Да.

— Я Аглая Петровна.

Конечно.

- Та самая?
- Смотря что про меня написала Анастасия.
- Что вы расскажете остальные правила.
- Аглая тяжело вздохнула.
- Значит, всё-таки написала.
- Вы работали у бабушки?
- Можно и так сказать.

Она прошла мимо меня, будто дом действительно принадлежал скорее ей. Сняла куртку. Повесила. Потом посмотрела на мокрый мужской зонт возле входа.

- Уже был.
- Это не был вопрос.
- Северин?
- Кто ещё.
- Как он вошёл?
- Аглая взяла зонт.
- Своим ключом.
- У него есть ключ от дома?
- Есть. Анастасия оставила ему задолго до смерти.
- Я несколько секунд смотрела на неё.
- Вот. Нормальный ответ. Оказывается, так можно.
- Можно, — спокойно согласилась Аглая. — Когда ответ ничего не ломает.

Она пошла на кухню. Я следом. Аглая поставила сумку на стол и начала доставать продукты. Хлеб. Картофель. Яйца. Молоко. Банку варенья.

- Я не собираюсь здесь оставаться надолго.
- Все так говорят.
- Кто все?

- Аглая посмотрела на меня.
- Хозяйки этого дома.
- Сколько их было до меня?
- Семь.
- За сто пятьдесят лет?
- За больше чем сто пятьдесят.

- Я помолчала.
- Дом построен в 1871 году.
- Это нынешний.
- А до него?
- Был другой.

Она сказала это так буднично, словно речь шла о замене кухонного гарнитура.

- Сколько вы здесь работаете?
- Давно.
- Конкретнее?
- Сорок три года.

Наконец хоть одна цифра.

- Вы знали мою мать?

Руки Аглаи остановились. Вот и всё. Маленькая пауза. Но я уже научилась их замечать.

- Да.
- Что с ней произошло?
- Сегодня ты это спрашивать не будешь.
- Почему?

- Потому что Анастасия велела.
- Бабушки больше нет.
- Я знаю.
- Тогда я сама решаю, что спрашивать.
- Аглая повернулась.
- В её лице не было ни злости, ни желания спорить.
- Только усталость.
- Спрашивать можешь что угодно.
- Отлично. Где моя мать?
- Не знаю.
- Она умерла?
- Аглая долго смотрела на меня.
- Не знаю.
- Ответ оказался хуже, чем «да». Гораздо хуже.
- Как можно не знать?
- Здесь можно.
- Что значит «здесь»?
- Аглая отвернулась к столу.
- Чай будешь?
- Нет.
- Будешь.
- Она поставила чайник. Я чуть не закричала.
- Аглая Петровна.
- Что?
- Моя бабушка написала, что мать не умерла там, где мне сказали.
- Так и есть.
- Значит, авария была подстроена?
- Нет.
- Тогда что произошло?
- Машина упала в реку.
- А мама?
- В машине её не было.
- Я ухватила за край стола.
- Что?
- Аглая достала две чашки.
- Когда машину нашли, Марины внутри не было.
- Я знаю. Мне говорили, что тело унесло течением.
- Тело нельзя унести течением, если тела в машине не было изначально.
- Я села: ноги вдруг ослабли.
- Откуда вы знаете?
- Я была здесь в ту ночь, когда Марина исчезла.
- Здесь, в доме? Мама была здесь?
- Была.
- Почему?
- Аглая села напротив.
- Потому что она была Хозяйкой.
- Опять. Это слово.
- Что значит Хозяйкой?
- То, чем, похоже, предстоит стать тебе.

— Я пока ничем здесь не хозяйничаю.

— Дом думает иначе.

— Дом не думает.

Аглая посмотрела на меня с каким-то странным сочувствием.

— Хорошо бы.

Мне стало неудобно.

— Что случилось с мамой?

— Она ушла.

— Куда?

— На тракт.

— На тот самый Ночной тракт?

Аглая не ответила. Значит, да.

— И не вернулась?

— Нет.

— А Северин?

Снова пауза.

— Что Северин? Он был здесь в ту ночь?

— Был. И ушёл за ней.

— Вернулся?

— Северин всегда возвращается.

Я вспомнила фотографию. Сегодня.

— А мама?

Аглая покачала головой.

— Нет.

— Почему?

— Вот этого я действительно не знаю.

Я закрыла лицо ладонями. В голове было слишком много всего. Развод. Наследство. Мёртвый водитель. Мужчина со столетней фотографии. Мама, которая, возможно, не погибла в аварии. И бабушкино: «Сначала переживи первую ночь». Я опустила руки.

— Хорошо.

Аглая ждала.

— Допустим, я сейчас не задаю больше вопросов про маму.

— Умное решение.

— Не привыкайте.

Аглая едва улыбнулась.

— Какие ещё правила?

Она налила чай. Поставила чашку передо мной. Потом достала из кармана маленькую записную книжку.

— Большинство тебе пока не понадобится.

— Сколько их?

— Пятьдесят четыре.

Я чуть не подавилась чаем.

— Что?

— Некоторые повторяются. Некоторые нужны раз в несколько лет. Сегодня запомни ещё два.

Аглая загнула палец.

— После заката не выходи за ворота одна.

— Почему?

— Дорога меняется. Навигатор не поможет.

Второй палец.

— После полуночи не называй вслух своё полное имя.

— Почему?

Аглая посмотрела на меня без улыбки.

— Потому что имя — это не только слово. Остальные правила получишь тогда, когда они понадобятся.

Я хотела возмутиться, но впервые её отказ прозвучал не как игра в тайны, а как мера предосторожности. Взглянула на неё.

— Вы понимаете, как всё это звучит?

— Конечно.

— И сами в это верите?

— Конечно.

— А бабушка?

— Она знала.

— А Северин?

— Он знает больше всех.

Вот это было интересно.

— Тогда почему бабушка написала не верить ему?

Аглая посмотрела на письмо рядом со мной.

— Потому что Северин умеет говорить правду так, что она становится хуже лжи.

— Это вообще возможно?

— Скоро увидишь.

Часы на стене пробили восемь. За окнами почти полностью стемнело. Я посмотрела наружу. Лес превратился в сплошную чёрную стену.

— Вы сегодня останетесь?

Аглая стала собирать пустые пакеты.

— Нет.

— Простите?

— Мне домой надо.

— А я?

— А ты здесь живёшь.

— Сегодня первая ночь.

— Именно.

Она поднялась.

— Вы серьёзно собираетесь оставить меня одну после всего, что рассказали?

— Анастасия тоже первую ночь провела одна.

— И это должно меня успокоить?

— Она прожила девяносто два года.

— Аргумент.

Аглая надела куртку.

— Постель наверху готова. Вторая комната справа.

— А номер семь?

Она посмотрела на меня.

— Даже не подходи.

— Что там?

— Пока не твоё.

— Всё в этом доме теперь моё.

— Комната семь с тобой не согласна.

Я не успела ответить. Аглая подошла к двери.

— Где вы живёте?

— Недалеко.

— Пешком пойдёте?

— Да.

— Сейчас темно.

— Я знаю дорогу.

Она открыла дверь. Я вдруг вспомнила.

— Аглая Петровна.

— Что?

— Бабушка написала, что после 00:13, если постучат три раза, я должна открыть.

— Да.

— Это обязательно?

— Обязательно.

— А если не открою?

Аглая помолчала.

— Тогда тот, кто пришёл, останется снаружи.

— И?

— Иногда это хуже.

— Для кого?

— Для всех.

Она вышла.

— Отлично поговорили.

Аглая уже начала спускаться с крыльца, но остановилась.

— Ева.

— Да?

— Каким бы ни был первый гость, не показывай ему, что боишься.

— Почему?

— Дом замечает.

Я хотела спросить, что именно это значит. Но она уже уходила по дорожке. Через несколько секунд темнота её поглотила. Я заперла дверь. На ключ. Потом на второй замок. Проверила заднюю.

Цепь на месте. Засовы тоже. Обошла окна. Закрыла шторы. На втором этаже действительно нашлась приготовленная спальня. Большая кровать. Чистое бельё. Шкаф. Настольная лампа.

И зеркало в старой деревянной раме.

В мистику я по-прежнему не верила, но зеркало всё равно повернула к стене. Фильмы хотя бы этому научили. Я приняла душ. Переоделась. Попыталась работать. Ответила на два письма. Открыла проект. Закрыла. Перечитала бабушкино письмо.

Проверила старые фотографии Северина. Поискала информацию о нём. Почти ничего. Северин Андреевич Чернов. Владелец нескольких земельных участков. Учредитель какой-то лесозаготовительной компании. Никаких социальных сетей. Никаких интервью. Никаких семейных фотографий.

В одном бизнес-реестре действительно значился возраст тридцать семь лет.

Обычный современный человек. Если не считать портрета 1913 года. В 23:40 я спустилась на кухню. Сделала ещё чай. В 23:52 решила, что никто не придёт.

В 00:03 начала злиться на себя за то, что смотрю на часы.

В 00:10 выключила свет в холле. В 00:12 села на диван.

— Это идиотизм.

Секундная стрелка сделала полный круг. Телефон показывал:

00:13.

Ничего. Я выдохнула. Конечно. Бабушкины правила. Городские легенды. Человек, похожий на своего прадеда.

Мёртвый таксист — наверняка просто путаница.

Всё можно объяснить. Я уже поднялась с дивана, когда в дверь постучали. Один раз. Через две секунды — второй.

Я снова прочитала бабушкину строку:

Если после 00:13 в парадную дверь постучат три раза — открой.

Третий удар был громче. Я подошла к двери. Не сразу. Каждый шаг казался слишком громким. Остановилась перед ней.

— Кто там?

Я посмотрела в глазок. На крыльце стоял мужчина.

Лет шестидесяти.

Седой.

В тёмной промокшей куртке.

На правом виске — тонкий белый шрам.

В руках он держал клетчатый зонт.

Я перестала дышать.

Это был Сергей Лапин.

Таксист, который привёз меня утром.

Человек, которого нотариус назвал мёртвым.

Сергей поднял голову прямо к глазку.

И улыбнулся.

— Ну что, Евгения Андреевна, — тихо сказал он. — Пустите переночевать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.